

A digital illustration for a book cover. In the foreground, a man with dark hair and a beard, wearing a dark suit and tie, looks directly at the viewer. In the background, a woman with long blonde hair holds a baby. The scene is set in a home with warm lighting and flowers.

МИЛА РЕБРОВА

ПОСЛЕ РАССТАВАНИЯ
ВЕРНУТЬ ЛЮБОВЬ

Мила Александровна Реброва

После расставания.

Вернуть Любовь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67617941

SelfPub; 2022

Аннотация

"Поженимся?" "Что за глупости гуляют в твоей головке, Муся?" "Я просто думала, что..." "Что бы ты там не думала, выбрось это из головы! О браке и речи быть не может. Глупость какая!" "Глупость? Видимо, для моего хозяина женитьба на служанке действительно глупость. С такими, как я, можно лишь развлекаться. Могла ли я после таких слов сказать Глебу о своей беременности? Мне пришлось сбежать от него, чтобы вернуться спустя год ради спасения нашей дочери."

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	36
Глава 4	50
Флешбек	53
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Мила Реброва

После расставания.

Вернуть Любовь

Глава 1

– Глеб, а мы поженимся? – набравшись смелости, спросила я.

Я долго готовилась к этому разговору и вряд ли решилась бы на него, если бы не две красные полоски на тесте.

– Поженимся? – удивленно посмотрел он на меня, отрываясь от своего неизменного завтрака. Яичница с беконом, которая вызывала во мне дикий приступ токсикоза. Именно это и заставило меня заподозрить неладное и купить тот несчастный тест на беременность.

– Ну да, – кивнула я. – Мы вместе уже два года и...

– Господи, Муся, ну что за глупости? Поженимся, – покачал он головой так, словно я сказала о чем-то нереальном. – Это же придет такое в голову.

Глупость? Видимо, я действительно глупа, раз допустила мысль о том, что хозяин может жениться на своей горничной. Конечно, я больше не работала на Глеба, но считать себя хозяйкой его огромной квартиры всё же не могла. Я всё

так же следила за порядком и готовила для него.

И раз я не жена, значит, по-прежнему горничная, прислуга с привилегиями, которая хороша лишь для приятного времяпрепровождения.

– Я... – начал было он, но прозвевший рингтон отвлек его на важный звонок. – Что? Она в порядке?! Я сейчас же вылетаю!

Вскочив из-за стола, Глеб, ринулся в прихожую, на ходу объясняя мне, что улетает по важному делу. Я даже слова сказать не успела, прежде чем он вылетел за дверь, подхватив свой портфель.

– Вот и поговорили, – вздохнула я, обессиленно садясь прямо на пол.

Слезы наполнили глаза, и я разрыдалась, не понимая, что буду делать дальше. Идти мне было некуда, а зная Глеба, всё, что он мог мне предложить, это – аборт.

Разве мужчина, который даже не рассматривал возможность жениться на мне, примет моего ребенка? Ребенка от бездомной, у которой никого нет. Я ведь никто. Несчастливая заблудшая душа, которую когда-то приютил добрый богач со скуки. А потом решил, что она достойна согреть его постель.

А я, глупая, согласилась. Переступила через свои принципы и поддалась. Думала, что Глеб изменится, что я значу для него что-то. Но, как оказалось, я так и продолжала быть никем.

Год спустя

Новый год. Я всегда его любила. Хотя мне и некому было дарить подарки, но гулять по магазинам я всё равно любила. К тому же в детских магазинах были такие хорошие скидки, что я просто не могла удержаться от того, чтобы закупить дочке новых нарядов.

Я, конечно, не бедствовала, но и позволить себе всего не могла. Сбережения, на которые я жила весь последний год, заканчивались, а на детское пособие особо не разгуляешься. Меня спасали деньги, что я откладывала в то время, когда работала горничной и получала от Глеба зарплату. Деньги мне тогда было не на что тратить, ведь еду и кров мой щедрый хозяин мне предоставлял.

Так что, уйдя от Глеба, я жестко сэкономила, ведь дополнительного заработка не имела.

Вернуться в кондитерскую, в которую устроилась, еще не могла, Вася была слишком мала, чтобы оставлять ее с кем-то. Да и смысл, если вся моя дневная выручка уходила бы на няню?

Вот с такими невеселыми мыслями я продолжала катить коляску по торговому центру. Как могла пыталась не думать о плохом, но мысли то и дело заполняли голову.

Старые страхи вновь остаться на улице не давали расслабиться и отпустить ситуацию.

– Мария? – неожиданно окликнул меня знакомый женский голос, заставив затормозить. – Господи, Мария!

– Привет, – неуверенно улыбнулась я, пытаясь скрыть

нервозность.

Передо мной стояла Ксюша. Наша близкая подруга с Глебом. Вернее, его подруга. Своего у меня ничего не было. Даже друзей.

– Привет? Это всё, что ты можешь мне сказать?! – возмущалась она. – Как ты могла пропасть?! Ты хоть знаешь, как мы переживали? Как искали тебя! Глеб с ума сходил от беспокойства!

– Ксюш... – не зная, что сказать, прохрипела я.

– Господи! – смотря в коляску, сказала она. – Это ваша? Ты родила от Глеба?!

– Ну что за глупости, Ксюш? Ребенок и я? Как ты себе это представляешь? Я просто работаю няней, вот и... – пыталась я убедить ее, но бывшая подруга тут же оборвала меня:

– Я же не слепая, Маруся! Да один взгляд на девочку, и становится понятно, что она ваша с Глебом!

– Ну что ты придумываешь, Ксюша? – пыталась я непринужденно рассмеяться. – Откуда у меня ребенок? Не думаешь же ты, что я стала бы скрывать такое?

Говорила я всё это настолько правдоподобно, что невольно верила сама себе.

– Просто ты так неожиданно исчезла... – неуверенно протянула она. – Ребенок бы объяснил твое бегство.

– Бегство? – скептически усмехнулась я. – Я свободный человек, Ксюш. Глеб не брал меня в рабство. Когда я поняла, что наши отношения никуда не ведут, я предпочла молча

уйти. Я с самого начала знала, какой Глеб. И тем не менее имела глупость ввязаться в эти отношения. Впервые в жизни поддалась голосу сердца, а не разума, и сама видишь, что из этого вышло.

– Ты не права, Марусь, – покачала головой Ксения. – Ты не знаешь, в каком состоянии был Глеб. Как искал тебя. Думал, с тобой что-то случилось.

– Со мной всё отлично, как видишь! Живу, работаю, скоро собираюсь замуж, – зачем-то соврала я. – Так что не нужно ворошить прошлое, пожалуйста.

Я видела, как действовали на Ксюшу мои слова. Старая подруга всегда болела за наши отношения. Видя это, даже смешно было вспоминать, как я ревновала к ней Глеба. Думала, что они идеальная пара, когда мой тогдашний работодатель начал ухаживать за ней.

– Поздравляю, – прокашлявшись, выдавила из себя Ксюша. – Давай посидим в кафе, поговорим...

– Извини, Ксюш, – перебила я ее, не желая рисковать и проводить в ее обществе ни единой лишней минуты. – Меня жених ждет, да и мою подопечную пора вести домой, – кивнула я на уснувшую Василису.

– Ну хоть номерами телефонов обменяемся? – расстроено проговорила она, явно задетая моим отношением.

Мне самой было ужасно неловко за себя и свою грубость. В конце концов, Ксюша не виновата в моих проблемах с Глебом. Она не раз поддерживала меня в прошлом и была мне

хорошей подругой. Но выбора у меня не было. Я не могла позволить вновь раскрыться незаживающей ране, что нанес мне Глеб своим пренебрежением.

– Лапа, мы всё! – неожиданно к нам подошел Осман, ее муж, вместе с их двойняшками. – Вот так встреча! – посмотрел он на меня во все глаза.

– Привет, – помахала я ему, готовая провалиться сквозь землю.

Не хватало мне только Глеба для полного счастья!

– Я уже ухожу, приятно было увидеться с вами, – не обращая внимания на то, что Ксюша явно хочет что-то сказать, попрощалась я и, развернувшись вместе с детской коляской, быстро направилась на выход.

Меня уже не волновало, что они подумают о моем поведении. Главное было – убраться как можно дальше от них. К счастью, Осман пришел вовремя, и мне не пришлось давать Ксюше свой номер телефона.

Не знаю, что делала бы, встретиться я с Глебом. Слава богу, пришел Осман, а не он! Зная, какие дружеские отношения были между Ксюшей и ним, я бы не удивилась, если бы они с Ксюшей были вместе в торговом центре.

Не знаю, чего я боялась, но видеть Глеба не хотела. Слишком свежи были раны, нанесенные им. Знать, что мужчина, которого ты любишь, лишь использует тебя... Это было больно. Я два года ждала от него решительного шага, и, если бы не беременность, всё еще ждала бы. Надеялась бы... Ду-

мала, что рано или поздно любимый прозреет и поймет, что наши отношения нечто большее, чем просто постель.

Но в то утро он разрушил все мои надежды и мечты на светлое будущее с ним. Я поняла, что никогда не стану чем-то большим, и ребенок этого не изменит. Да и не знала я, как отреагирует Глеб на известие о моей беременности.

Если бы он предложил мне сделать аборт....

Я бы не вынесла этого. Я не хотела слышать этих слов от любимого мужчины и поэтому предпочла молча уйти из его жизни.

Следующие несколько дней я безвылазно сидела дома, опасаясь того, что Ксюша всё же проболталась Глебу о нашей встрече. Глупо, конечно, было думать, что он ищет меня, но я всё же решила перестраховаться. Ведь моя однушка, которую я снимала, находилась прямо рядом с торговым центром, где мы столкнулись с Ксюшей.

– Что такое, цыпленок? – спросила я дочь, которая уже второй день капризничала и вела себя вяло.

Вася даже потеряла свой аппетит, на который я не могла нарадоваться.

– Скоро потеряешь эти щечки, если не будешь есть! – пожурила я ее, когда она в очередной раз выплюнула бутылочку.

Грудью я не кормила ее уже пару месяцев, так как из-за перенесенной простуды потеряла молоко. Но, к счастью, Вася без проблем привыкла к бутылочке, как и ко всем пере-

менам. Моя дочь вообще была беспроблемным ребенком.

К вечеру я поняла, что сглазила свою булочку, у которой стремительно поднималась температура. Я сначала списала это на начинающие прорезаться зубки, но, когда жаропонижающие свечи не дали результата, в панике позвонила в скорую.

Приехавший фельдшер забрал нас в больницу, где дежурный врач списал всё на обычную простуду.

Правда, через пару дней, когда температура так и не нормализовалась, а врачи лишь разводили руками, я поняла, что что-то не так. Мой ребенок буквально угасал на глазах. Она или всё время спала, или плакала.

– Вы поймите, врачи не боги. Вам нужно полное обследование. Не хотел говорить вам этого, да и надеялся, что это не так, – рассказывал через неделю наш лечащий врач. – Вам нужен иммунолог. И хороший.

– Я не понимаю, – лепетала я. – Зачем?

– У вашей дочери аутоиммунное заболевание. Приобретенное или нет, сказать не могу, так как не разбираюсь в этой области, да и не хочу ставить диагнозы наугад...

Он говорил что-то еще, объяснял, советовал, куда лучше всего обратиться, но всё это будто проходило мимо меня. Я просто не могла принять его слов. Не может моя дочь быть больна.

Это просто простуда! Запущенная, но мы справимся! Обратимся в другую больницу, где ей обязательно помогут!

А весь этот бред, что нес врач... Не может же бог быть настолько жесток ко мне?! Разве в моей жизни было мало испытаний?! Через что мне только не пришлось пройти. Но это... Это слишком жестоко.

Дети не должны болеть! Не должны страдать! Ведь моя дочь такая маленькая... Хрупкая. Как она справится со всем этим?! Как я со всем этим справлюсь?!

Глава 2

Уже больше часа я сидела на лавочке около своего дома. Приехала переодеться и принять душ, но ноги не несли домой. Как села безвольным кулем, так и сидела, прокручивая в голове все варианты нашей дальнейшей с Василисой жизни.

Понимала, что не выдержу без нее. Если с дочкой что-то случится...

– Муся?! – заставил меня вздрогнуть до боли знакомый голос.

Злой голос, наполненный таким отчаянием и ненавистью, что мне даже стало страшно.

– Глеб... – выдохнула я и как последняя трусиха предприняла попытку к бегству.

Правда, сделать мне этого не дали. Крепкие руки схватили за плечи, а глаза просто испепеляли горящей в них ненавистью.

– Вот ты и попалась, Муся.

– Пусти! – вырывалась я.

– Ага, щас! Я тебя вторую неделю ищу! – зло рычал он, пытаюсь утихомирить меня.

– Я не просила меня искать! – нервничая под его оценивающим взглядом, процедила я.

– Конечно нет, ты просто сбежала! Как ты могла так со

мной поступить?! – эмоционально воскликнул он, слегка встряхнув меня.

– Прошел год. Год, Глеб! Давно пора отпустить это! – звала я к его благоразумию.

– Как у тебя всё просто, Маруся! Не расскажешь мне, чем я заслужил такой удар в спину?! – игнорируя мои попытки освободиться, продолжал рычать он.

Я же просто застыла, не зная, что на это ответить. Сказать о Василисе я не могла. Не хотела, чтобы Глеб отнял ее у меня. С его связями и финансовым состоянием он вполне мог это сделать.

– Я ушла, поняв, что наши отношения никуда не двигаются, Глеб! Зачем ты ворошишь это?

– От кого у тебя дочь? – вдруг зарычал он с новой силой, заставляя меня задрожать от страха разоблачения.

– Не твое дело! – прорычала я в ответ и забилась в его руках раненой птицей, пытаясь отпихнуть от себя бывшего хозяина и любовника в одном лице.

– Мое, если я ее отец! Как ты посмела скрыть от меня ребенка, Муся?!

– Она моя! Не твоя! Жениться на горничной было ниже твоего достоинства, так с чего бы тебе беспокоиться о ее ребенке?! – забывая обо всем, прокричала я на эмоциях.

– Так это наказание? Решила лишить меня дочери за то, что отказался жениться на тебе? – в полнейшем шоке прошептал Глеб, наконец отпуская меня и отступая на шаг.

И только тут я поняла, как глупо выдала себя. Раскрыла своими глупыми словами!

– Никакое это не наказание, Глеб! – пыталась я взять себя в руки. – У меня действительно есть дочь. Но она не твоя. Я замуж выхожу. Мы с отцом Василисы познакомились после того, как я ушла из твоего дома.

Видя, как ранили его мои слова, и удивлялась. Неужели я действительно что-то значила в его жизни? Была чем-то большим, чем он показывал? Да нет, глупости! Будь это так, продержал бы он меня в любовницах два года, даже не думая узаконить наши отношения? В Глебе, скорее, говорила уязвленная мужская гордость. Ведь я посмела бросить его, даже не попрощавшись.

– Неужели для тебя было так просто забыть меня, Муся? Перечеркнуть всё, что было между нами? – покачал он головой в ответ на мои слова.

– А что между нами было, Глеб? – невесело усмехнулась я. – Кем я была для тебя? Удобной девочкой для удовлетворения твоих потребностей между поездками? За те два года, что мы были «вместе», мы провели вдвоем не больше восьми месяцев. А когда я захотела большего, ты поднял меня на смех. Видимо, для графа Карницского женитьба на простой горничной действительно смехотворна. Спасибо тебе, что открыл мне глаза и сбросил с небес на землю!

– Всё было не так и ты это знаешь! У меня были свои причины повести себя так! – эмоционально размахивая руками,

проговорил он. – Я никогда не относился к тебе как к горничной! Как у тебя только язык повернулся?! – полным негодования голосом продолжал он.

– И кем же я была, Глеб? Оборванкой, подобранной тобой? – с горечью спросила я. – Недостойной бездомной, которую ты облагодетельствовал? Для меня уже то, что ты удостоил меня своего внимания, должно было быть достаточно, верно?

– Откуда столько ненависти, Муся? – с удивившей меня болью в глазах прошептал он.

– У меня нет к тебе ненависти, Глеб. Я просто хочу покончить с прошлым. Я встретила своего человека и выхожу за него замуж. Надеюсь, ты прекратишь свое преследование и оставишь меня в покое. Вадиму не понравится то, что бывший преследует меня, – выдумывала я на ходу.

– Вадиму? – зло выплюнул он первое пришедшее мне в голову имя. – Так вот вокруг кого теперь крутится твоя жизнь?!

– Повторюсь, Глеб: прошел год! Пора забыть о прошлых обидах и жить дальше. Уверена, ты не жил монахом, думая обо мне ночи напролет. Так к чему это лицемерие? – преодолевая боль, затопившую мое сердце при мысли о нем с другой, спросила я.

– Какой же я дурак, – горько рассмеялся он, запуская руку в свои густые темные волосы. – Искал тебя. Думал, что ты сожалеешь о своем побеге. Винил себя... Прощай, Маруся.

Наша встреча была самой большой ошибкой в моей жизни.
— То же самое могу сказать и о себе, — не осталась я в долгу, задетая его словами. — Хорошо, что мы оба это поняли.

Смотря на меня так, словно я смертельно ранила его, Глеб развернулся и размашистым шагом пошел в сторону парковки торгового центра. Видимо, именно там он и искал меня. Удивительно, как вообще заметил между домами неподалеку.

Снег, хрустевший под его ботинками, навевал воспоминания, которые я гнала от себя столько времени.

Господи, о чем я думаю?! Забыть и не вспоминать о нем! Мне к дочери надо, а не рассиживаться тут, думая об этом аристократе!

Поднявшись в квартиру и приняв душ, я побросала в сумку необходимые мне вещи и, высушив феном волосы, поехала обратно в больницу. К счастью, температуры у Васи не было, и мне позволили подержать дочь. Сегодня она даже обрадовалась мне, проявив хоть какую-то эмоцию.

— Мамина девочка, — шептала я, укачивая ее на руках.

Синяки от уколов на ее ручке разрывали мне сердце, и я как могла пыталась не думать об этом. Как и о том, что я наделала, соврав Глебу про дочку.

Должна ли я в такой трудный период сказать правду и попросить его поддержки? А если бы он снова обсмеял меня, как тогда с женитьбой? Да и что было бы после больницы? Он отнял бы ее у меня, посчитав недостойной быть матерью?

– Яха, – подала голосок моя птичка, хватая меня за свисающую прядь волос.

– Да, моя сладкая, поговори с мамой, – всхлипывая, не в силах сдержать слез, прошептала я, наклоняясь и целуя ее в лобик.

То, как исхудала дочь, потеряв свои щечки, просто убивало меня. У Васи, которая всегда славилась своим аппетитом и ела как не в себя, напрочь отсутствовало желание есть. Врачи кормили ее искусственно, так как иначе она вообще не ела, плача и выплевывая бутылочку.

– Всё будет хорошо, моя сладкая, – пытаюсь взять себя в руки и перестать плакать, шептала я, моля бога не наказывать меня так жестоко.

– Вам нужно ехать в столицу. Я могу направить вас к специалисту, но, если у вас есть связи, вам лучше самой организовать всё. Сами понимаете... – развел врач руками.

О да, я понимала. В нашем мире коррупции и власти всё решали деньги. Но даже с помощью них не всегда можно было решить проблему.

Врач ясно дал это понять. Иммунная система человека до конца не изучена, а когда дело касалось таких маленьких детей, как Василиса, рисковать и медлить нельзя.

За прошедшую неделю с момента нашей встречи с Глебом я многое успела передумать. Поняла, что повела себя глупо и импульсивно, соврав ему про его отцовство и несуществу-

ющего жениха.

Не стоило мне давать своей старой обиде и страху лишиться дочери затмевать свой разум. Ведь если кто и сможет спасти нашу дочь, так это Глеб.

– Сегодня мамочка встретится с твоим папой, – делилась я с дочерью.

Малышка вяло хлопала своими ресничками, показывая и скрывая свои зелененькие глазки. Дочь была просто копией меня. В свое время я даже приняла это за благословение небес, которые решили сжалиться надо мной, скрыв гены Глеба, и не мучить меня напоминанием о нем.

– Всё будет хорошо, мой птенчик, папа нам поможет. Он всё может, – со всхлипом поцеловала я ее в щеку. – Знаешь, однажды он спас мамочку, и тебя непременно спасет.

Набрав старый номер Глеба, который прекрасно помнила наизусть, я с колотящимся сердцем взмолилась, чтобы он работал.

– Да? – прозвучало грубо, но знакомо до мурашек на теле.

– Глеб...

– Надо же, какие люди, – грубость сменилась язвительностью. – Чем могу помочь?

Даже рассчитывая на подобное, я оказалась не готова к его тону.

– Мне нужно поговорить с тобой, Глеб. Ты всё еще в городе?

– Оу-у-у, как поменялось твое настроение! Помнится,

еще несколько дней назад ты даже слышать меня не хотела. Что же вдруг изменилось? – продолжал он тем же тоном.

– Пожалуйста, Глеб. Я бы не позвонила, если бы у меня был другой выбор... – взмолилась я, не зная, сколько еще выдержу, прежде чем скачусь в истерику.

– Подъезжай, адрес скину эсэмэской! – грубо скинул он звонок.

«Не уехал!» – билась набатом единственная мысль в голове, пока я открывала тут же прилетевшее с адресом СМС. Неужели из-за меня?

Добравшись до гостиницы и найдя нужный мне номер, я ступала, не представляя, какой будет реакция Глеба на мою новость. Поверит ли он мне...

Дверь номера внезапно распахнулась, прежде чем я успела постучать, и твердые мужские руки затащили меня в номер. Глеб просто прожигал меня взглядом, давая почувствовать весь клокодавший в нем гнев. Прикусив в нерешительности нижнюю губу, я прошла внутрь, стараясь увеличить дистанцию между нашими телами. Пусть знает, что я больше не та глупая девчонка, безропотно выполнявшая каждую его просьбу!

– Я думал, мы всё друг другу сказали, с чего вдруг такая честь? Несколько дней назад ты и видеть меня не хотела, избегая как прокаженного, – саркастически протянул Глеб, оглядывая меня с головы до ног.

Нервно стянув шапку и пригладив волосы, я расстегнула пуховик, чувствуя, как мне становится жарко, в номере было тепло, но не столько это, сколько охвативший от нервов жар заставлял меня потеть.

– Проходи, чувствуй себя как дома, – продолжал ерничать он, наблюдая за тем, как я складываю свои вещи на стуле.

– Пожалуйста, Глеб! Давай обойдемся без сарказма! Будь у меня выбор, я бы никогда не пришла к тебе! – вырвалось у меня.

– Ну надо же! – сделал он шаг мне навстречу, заставляя невольно пятиться. – Ты явно пришла с просьбой, Муся, но, несмотря на то, что просящая сторона, ведешь себя так, словно оказываешь *мне* милость.

Крепко сцепив руки, я глубоко вздохнула, не позволяя своей внутренней обиде вырваться наружу. Несмотря на прошедшее время, она всё еще не отпускала меня.

– Так и будешь молчать? – наклонился он ближе, окутывая меня ароматом своего парфюма.

Такой знакомый и родной запах. Словно только вчера я ластилась и жалась к нему, вдыхая этот дивный аромат богатства и роскоши. Именно так пах Глеб. С первой нашей встречи.

Глупое желание, протянув руки и запустив пальчики в темные густые пряди, поцеловать его овладело сознанием, и, разозлившись на саму себя, я наконец заговорила.

– Моя дочь в больнице, – начала я. – И мне действительно

нужна твоя помощь. Я не знаю, к кому мне еще обратиться! Пожалуйста, Глеб...

– Значит, ты пришла за помощью? Только вот не вижу в тебе желания просить, – жестко отчеканил он, выпрямляясь и одаривая меня таким злым взглядом, словно я вонзила ему нож в спину.

– Василиса – наша дочь, Глеб! – выпалила я, пока не потеряла решимость, в надежде на то, что это изменит его настрой, но он словно не слышал моих слов.

– Красивое имя, – небрежно бросил он, разворачиваясь и направляясь к бару.

– Пожалуйста, Глеб! – кинулась я ему вслед, цепляясь за его предплечье. – Ты единственный, кто может помочь ей! Если не ради меня, то ради своего ребенка! – умоляла я в надежде на то, что он смягчится.

– Помнится, еще недавно ты заявляла, что не я отец твоего ребенка, – безжалостно ответил он мне, делая глоток минералки.

– Я соврала! Соврала, понимаешь?! Не было у меня никого! И жениха нет! Я просто хотела...

– Избавиться от меня?! – прорычал он, отбрасывая стакан и хватая меня за плечи.

– Умоляю, Глеб, – шептала я онемевшими губами. – Если я хоть что-то значила для тебя, помоги...

Отпуская меня и делая шаг назад, он молчал, смотря на меня и явно обдумывая что-то. Мне было страшно от его

молчания, ведь Глеб, которого я знала, не стал бы думать. Он всегда исполнял любую мою просьбу, не тратя времени на раздумья. Но этот незнакомец, что сейчас стоял передо мной, даже не думал смягчаться.

– Ты вернешься ко мне, и мы сделаем вид, что этого года не было. Я готов простить тебе твой побег и то, что ты скрыла моего ребенка, – заговорил он наконец, хватая меня зло за плечи и прижимая к себе.

– Ты с ума сошел? – оттолкнула его я, не понимая, что за злой дух в него вселился. Я ему про дочь, а он... Уму непостижимо!

– Считай, что это мой новогодний подарок, Муся. Ты, да еще и дочь в дополнение. Думаю, я был хорошим мальчиком, раз Дед Мороз решил наградить меня тобой, – совсем не выглядя довольным, прохрипел он. Мне вообще казалось, что он с трудом сдерживает kloкочущее в нем желание придушить меня.

– Я никогда к тебе не вернусь! – зло прошептала я в ответ, не в силах забыть того, что он не пожелал на мне жениться. – Я за помощью пришла, а не за...

– Будешь моей, будет тебе помощь, – давая понять, что выбора нет, ультимативно заявил он, чеканя каждый слог.

– Не буду! – вырвалась я, отталкивая его и сверкая глазами. – Ты сам отказался от меня! Я не собираюсь вновь быть твоей игрушкой! Не поможешь? Отлично! Своими словами ты доказал, что я была права, скрыв свою беременность и

сбежав от тебя!

Боль зашевелилась в душе, но я как могла силилась преодолеть ее и сглотнуть ком, вставший в горле. Не хватало только позорно разреваться!

– Замолчи! С каждым словом ты всё глубже копаешь себе яму! – психанул он, сверля меня недовольным злым взглядом. Никогда еще я не видела его таким!

– Как я могла любить тебя! – бросила я в сердцах, отворачиваясь в попытке уйти отсюда. О чем я только думала, приходя к нему?!

– А ну, стоять! – рявкнул он в очередной раз за вечер. – Думала, вывалила на меня всю эту информацию и уйдешь?! – развернули меня обратно твердые руки. – Хватит! Добегалась!

– Ты...

– Молчать! Говорить буду я! Год назад ты взяла и сбежала, бросив меня без единого объяснения. И это после всего, что между нами было, черт возьми!

– Хватит меня трясти! – стукнула я его кулачками в грудь, срываясь. – Я ничуть не жалею о своем побеге! Ты недостойн настоящих, искренних чувств, что я к тебе питала! Я была для тебя игрушкой...

– А кем был я?! Удобным вариантом?! Как ты могла всю ночь шептать мне о любви, а на следующий день исчезнуть?! – сжав запястья, он завел мои руки мне за спину, фиксируя меня и прижимая к себе. – Неужели я так мало значил

для тебя?

Давняя боль вновь затопила мое существо, стоило вспомнить ту последнюю ночь, что мы провели с Глебом. Я глупо надеялась показать ему при помощи физической любви и страсти свои чувства и вызвать в нем ответные, надеясь, что утром он не разобьет мне сердце. Какая же я была глупая, ведь для Глеба это был просто секс. Физическая разрядка...

– Господи, Глеб, к чему сейчас всё это? – чувствуя себя опустошенной и разбитой, прошептала я. То, что я сдерживала в себе, не позволяя расклеиться, вырвалось наружу неудержимым потоком. – Ты хоть понимаешь, что я говорю тебе? Наша дочь умирает...

Не знаю, что повлияло на Глеба, возможно, до него наконец дошли мои слова, но он, будто внезапно очнувшись и отстранившись от меня, начал действовать. Позвонил кому-то, а потом отстраненно начал засыпать меня вопросами об Василисе.

– Врачи не знают, что с ней, провели всевозможные тесты, но не смогли ничего выявить, – закончила я свой нелегкий рассказ. Глеб лишь холодно кивнул, вновь звоня кому-то.

– Поехали, Осман обещал самолет в течение четырех часов. Успеешь собраться, – не спросил, а поставил он меня в известность.

– Куда? – тупо моргнула я, не понимая, куда мы едем и зачем. С того момента, как он перестал рычать на меня, став холодным и отстраненным, я ничегошеньки не понимала!

– В квартиру, за необходимыми вам вещами на первое время, потом в больницу. Мы едем в Москву.

Стесняясь и коря себя за это, я впустила Глеба в свои однокомнатные хоромы, которых мне было более чем достаточно. Просто было неловко, что человек, живущий в двухэтажном пентхаусе, увидит, на что я променяла всю ту роскошь, которой была окружена в качестве его женщины. Поймет, что ничего-то я в жизни и не добилась. Без него.

– Можешь пройти на кухню и выпить кофе, – предложила я, чувствуя скованность и напряжение от его затянувшегося молчания.

Глеб вновь промолчал, игнорируя мое предложение и проходя в гостиную, которая также служила нам с Васей спальней.

Он молча оглянулся и, остановившись взглядом на детской кроватке, прикрыл глаза, словно пытаюсь скрыть одолевающие его чувства. Подойдя к полке, Глеб завис на ней, разглядывая множество фотографий Васи, которые я распечатала и поставила в рамочки. Это было мое увлечение – запечатлевать каждый момент взросления дочери.

Решив, что Глебу нужно время, чтобы свыкнуться с мыслью о том, что он теперь отец, я достала дорожную сумку, которую купила в надежде отправиться предстоящим летом на море, и начала собирать ее, кладя лишь вещи первой необходимости.

– Я готова, – обернулась я к Глебу, с удивлением подме-

чая, что он всё так же смотрел на фотографии и даже держал одну в руках.

Подняв на меня взгляд, полный боли и негодования, Глеб прорычал сквозь стиснутые зубы:

– Знаешь, каких трудов мне стоит не придушить тебя?!

Испуганно ахнув, когда он, взяв за запястье, попытался приблизить меня к себе, я отступила назад, не понимая, чего стоит ожидать от него в таком состоянии.

– Неужели тебе ни капельки не стыдно? – процедил Глеб, всё так же стискивая зубы, заставляя меня беспомощно зажмуриться. – Скажи спасибо, что я не придушил тебя на месте, Муся! – выплюнул он как ругательство придуманное когда-то им ласковое прозвище.

Так странно, когда-то мне казалось, что Глеб никогда не обидит меня. Но то, в какой ярости он был сейчас, заставляло меня усомниться в этом.

– Я имел право знать о том, что стал отцом, черт побери! – продолжал он бушевать. – Хватит прятать голову в песок, и имей смелость столкнуться с последствиями своего вранья!

– И что бы ты сделал? – чувствуя, как ответная ярость поднимается внутри, прошипела я. – Предложил бы мне аборт? Или, может быть, купил квартиру и переселил меня туда, предложив содержание мне и моему ребенку? Когда мужчина, который живет с тобой не один год, заявляет, что не думает о браке...

– Да сдался тебе этот брак, Маруся?! – встряхнул он меня

в который раз за день. – Что, ты думаешь, получила бы от него, чего не получала, просто живя со мной?

– Уважение и уверенность в том, что меня не выкинут, как бездомного щенка! – заводилась я всё сильнее. – Хотя о чем я? Я ведь и была для тебя бездомным щенком, которого ты подобрал на улице!

– Не смей так говорить! Ты прекрасно знаешь, как я относился к тебе!

– И как же? Как к содержанке без права голоса?! – дернулась я в его руках. – Я была лишь вещью для тебя!

– Не смей так со мной разговаривать! – зло прикрикнул он.

– Иначе что?! – не отступала я. – Ударишь, может?!

– У меня есть способ получше, чтобы заткнуть тебя...

Злой поцелуй заткнул мне рот, а крепкие мужские руки притянули еще ближе к накачанной груди. Даже сквозь свитер я ощущала тугие мышцы его плеч, пока пыталась оттолкнуть мерзавца. Вот как в такой момент можно думать о поцелуях?! Именно эта мысль отрезвила меня, и я нашла в себе силы со всей дури наступить ему на ногу.

– Ох! – проворчал он, отпустив меня, и разразился громкой бранью, извергая ругательства, которые заставили меня покраснеть.

– Не смей меня трогать! – отступив на шаг, скрестила я руки на груди, пытаясь скрыть волнение. – Мы не вместе, я пришла к тебе только потому, что у меня не было выбора, –

чуть ли не плача, выдавила из себя я. Всё навалилось снежным комом, еще и этот дурацкий поцелуй, всколыхнувший во мне, казалось бы, давно похороненные чувства.

– Нас мы обсудим позже. Сейчас я хочу познакомиться с дочерью, которой ты меня лишила, – с холодной решимостью проговорил он, заставляя меня ежиться от своего пронзительного взгляда.

– Тогда прекрати осыпать меня упреками и поехали наконец в больницу! – не выдержав, огрызнулась я.

– Знаешь, однажды ты нарвешься, Маруся! И я укорочу тебе язычок! – отняв у меня сумку, за которую я ухватилась, прорычал он в ответ и направился к выходу.

Быстрее бы добраться до Москвы и вытерпеть его. Это всё, о чем я мечтала, словно мантру повторяя про себя, что нельзя ссориться с тем, от кого зависит жизнь моей крохи.

– Она... другая... – сглотнув, прохрипел Глеб, наблюдая за дочкой, которая спала в специальной люльке. – Но фото... – видимо поняв мое недоумение, пояснил он.

Поговорив с врачами, Глеб пришел в палату, которую нам выделили и на которую уходила львиная часть моих сбережений, но я не могла не быть рядом с дочерью двадцать четыре часа.

– Да, она сильно похудела. Ничего не ест, и врачам приходится кормить ее искусственно, – шмыгнув носом, прошептала я.

Вася снова плакала, и мне с трудом удалось уложить ее. В такие моменты я чувствовала себя такой беспомощной, что тоже начинала плакать вместе с ней. Никогда не болевшая и не доставляющая мне хлопот девочка буквально угасала на глазах!

– Не волнуйся, мы выясним, что с ней, – не так тепло, как мог бы, но всё же успокаивающе сказал он, продолжая сосредоточенно изучать дочь.

Я знала, что он видит. Вася была удивительно похожа на меня. И он не мог этого не заметить.

– Мы уезжаем? – смахивая слезу, которую не смогла сдержать, прошептала я.

Я столько раз представляла эту картину, что сейчас, видя это наяву, видя *его* с дочерью, не смогла сдержаться и позволила эмоциям взять над собой верх.

– Еще рано, – взглянув на циферблат часов, ответил он. – Пусть поспит, пока есть время. А мы с тобой спустимся в кафетерий и выпьем по чашечке кофе. Иначе ты просто свалишься мне под ноги. Давай, пошли, – кивнул он в сторону двери, пропуская меня вперед.

Погасив в зародыше желание поспорить, я молча вышла из палаты и последовала к лифту. Если я собираюсь сделать так, чтобы мы смогли вместе помочь дочери, нам нужно начать нормально вести себя с друг другом, забыв про старые обиды.

– Садись, я сейчас, – выбрав столик в отдалении, попро-

сил он, идя делать заказ. Здесь было самообслуживание, так что мне пришлось ждать, пока, приняв заказ, буфетчик поставит заказ Глеба на поднос.

Было странно видеть миллионера в дешевой столовой, еще и несущим поднос.

– Ешь. И поговорим, – сказал он, поставив передо мной тарелку с пюре и котлетами и чашечку латте. Себе он взял только черный кофе.

– Я не хочу...

– Когда ты ела в последний раз? – не дав мне договорить, строго спросил он, смотря так, что я аж окаменела от напряжения.

Я и забыла, каким он может быть. Раньше подобный взгляд действовал на меня мгновенно, заставляя тут же выполнять его просьбу. Но не в этот раз. При одной мысли о еде меня подташнивало.

– Я не могу. Правда, – отодвинула я от себя тарелку, чувствуя, как от запаха еды комок собирается у горла. – Кусок в горло не лезет.

– Муся...

– Я поем по прилете. Я не выделяюсь, просто... Не могу, понимаешь? – глубоко вздыхая, прошептала я, не желая той нежности и трепета, прозвучавшего в его голосе.

Пусть лучше ругается и обвиняет, чем смотрит так! Не нужна мне эта жалость! Не хочу снова чувствовать себя той бездомной бродяжкой, которую он подобрал с улицы, дав

кров. Неизведанная ранее злость поднималась из глубины души, пугая меня. Эта жесточенность не была свойственна мне! Но, черт побери, всё связанное с Глебом злило. Особенно его жалость.

– Мы выясним, что с ней. Всё будет хорошо... – отводя от меня взгляд, прохрипел он, словно почувствовав ту негативную волну эмоций, что я источала.

– Да, всё будет хорошо...

– Можно мне? – спросил Глеб, присаживаясь в кресло рядом со мной.

С тех пор как мы взошли на борт самолета Османа, я не могла справиться с обрушившимися на меня воспоминаниями. Одно за другим они затапливали меня, заставляя пережить те прекрасные моменты заново. Когда мы так же летели на этом самом самолете, в Эмираты, по приглашению Ксюши и Османа.

Летели навстречу новому этапу в своих отношениях. Целовались в каждом уголке этого салона, ведь я то и дело сбегала от Глеба, жалуясь на боль в губах, на что он лишь бесстыже усмехался и вновь целовал...

– Не волнуйся, я знаю, как справляться с детьми, – приняв мою заминку насчет беспокойства о дочери, проговорил он.

– Главное – не трогай ее нос. Она жуть как это не любит, – аккуратно передавая на удивление спокойную дочку Глебу и удобнее устраивая ее у него на руках, прошептала я.

Картина того, как он держит ее, снова довела меня до слез, которые уже подступили к глазам и готовы были вот-вот сорваться. Я даже представить себе не могла, что моя мечта увидеть дочь в руках отца сбудется при таких трагических обстоятельствах.

– Какая ты у меня хорошенькая... – донеслось до меня его воркование. – Вся в маму.

Я и забыла, каким нежным и заботливым он может быть. Плохое смыло хорошее. Обида на его нежелание делать меня чем-то большим, кроме как сожительницей, была сильнее его доброты ко мне.

Вася закричала, чем отвлекла меня от тяжелых мыслей и полностью переключила мое внимание на себя.

– Надо будет снова отъесть эти щечки, да? – продолжал ворковать Глеб.

Было странно видеть его таким. То, что он сразу принял дочь, поверив мне на слово... Он ведь должен был сначала проверить мои слова, так? Неужели сомнения не посещали его голову? Сколько на этом свете женщин, воспользовавшись доверием мужчин, обманывали их, выдавая чужого ребенка за...

– О чем ты думаешь? – прервал Глеб мои размышления.

– Ни о чем, – соврала я, нервно облизывая губы и вздыхая. Не стоит ему знать о моих сомнениях. Поверил и поверил. Мне же лучше, не нужно ничего доказывать с пеной у рта. Неизвестно, как бы я отреагировала, потребуй он провести

анализ ДНК.

– Я слишком хорошо тебя знаю, Маруся. – испытывающе глянул он из-под бровей. – И я очень не люблю, когда ты мне врешь.

– Почему ты так просто мне поверил? – понимая, что этот вопрос не даст мне покоя, спросила я.

Не знаю почему, но мне было важно знать это.

– Потому что я знаю твою натуру, Муся. Даже ради денег и помощи ты не стала бы выдавать чужого ребенка за моего. Будь она чужая, ты бы просто вернулась ко мне, зная, что я не откажу тебе.

– Это было бы слишком самонадеянно для меня, – невесто хмыкнула я.

– Почему? – в полном недоумении свел он брови на переносице.

– Потому что миллионеры, а тем более графы, не станут ждать бывшую любовницу, чтобы принять ее обратно и решить все ее проблемы.

– Я никогда не считал тебя любовницей! – недобро сверкнул он глазами в мою сторону. – Я всегда считал тебя особенной, родной... Кем-то, кто понимает меня и поддержит, и кого поддержу я. Деньги никогда не играли роли в наших отношениях, которые ты в своем уме окрестила чем-то позорным и...

– Яха-яха-яха! – внезапно расплакавшаяся дочь прервала его пламенную речь, и мы оба полностью сосредоточились

на ней, забыв про свой разговор.

– Кажется, лекарство перестает действовать, – вздохнула я, забирая малышку. – Ну всё, моя хорошая, всё. Уточка моя, мама рядом, – потерлась я носом о ее щеку так, как она всегда любила.

– Остался час пути. Как думаешь, она заснет? – беспокоенно спросил Глеб. – Давай пройдем в спальню?

Вот туда мне хотелось в последнюю очередь! Стоило только вспомнить, что мы творили там... Но выбора не было, возможно, дочка успокоится, если положить ее на животик. Почему-то в этом положении она всё чаще чувствовала себя лучше.

– Всё будет хорошо, Муся. Я обещаю, – прошептал Глеб, прежде чем выйти. И я поверила ему. Когда Глеб обещал, он всегда выполнял обещанное.

Глава 3

Из аэропорта мы сразу же поехали в больницу, где нас уже ждали и где Васю сразу же унесли на очередное обследование.

Мы с Глебом ждали в комнате ожидания в полном молчании, слишком взволнованные, чтобы разговаривать. Да и не было у меня сил на разговор. Состояние дочери – вот всё, о чем я могла думать.

– Мы провели тесты и взяли все необходимые анализы. К утру они будут готовы, и мы сможем исключить некоторые хм... вещи, – встретив предупреждающий взгляд Глеба, замаявшись, явно смягчил свои слова врач. – Но уже сейчас я могу сказать, что тут дело не в иммунной системе. Тут что-то другое, и очень скоро мы выясним, что именно. Не волнуйтесь, ваша девочка выкарабкается.

Слова врача не успокоили меня. Я прекрасно понимала, что он говорил так в надежде успокоить меня. Будь всё в порядке, моя дочь не была бы в таком состоянии.

– Муся, успокойся! Сейчас медицина продвинулась далеко вперед. Это лучшая больница в столице, так что уже завтра мы будем знать, что с ней, – садясь рядом со мной и наблюдая, как я меняю дочке подгузник, подбодрил меня Глеб. – Ты не должна...

Глеб резко замолчал, когда Вася внезапно посинела и на-

чала задыхаться! Не зная, что делать, я начала кричать, пока Глеб выбежал из палаты, помчавшись за врачом.

Дальше всё было как в кошмарном сне. Меня оттеснили от дочери, и прибежавшая бригада врачей начала делать какие-то манипуляции, которых я не понимала. Я то и дело порывалась подойти, но Глеб держал меня, не пуская и пытаясь остановить мой плач и истерику.

Дальше было только хуже. Задыхающуюся Василису забрали, а нас с собой не пустили.

– Муся, успокойся! – встряхнул меня Глеб, когда я попыталась прорваться через него. – Врачи знают, что делают! Твоя истерика не поможет! Возьми себя в руки!

– Глеб... Я... – не могла я выговорить, снова заходясь в истерическом плаче. Что-то явно было не так! И я не могла ничего сделать! Не могла помочь своей девочке! – Я умру, Глеб! Если с ней что-то случится, я просто умру...

– С ней ничего не случится! Ты слышишь?! Ничего! – подхватив на руки, Глеб перенес меня на небольшой диванчик и, уложив на него, принес воды. – Успокаивайся.

– Глеб... нам нужно... пойти...

– Сначала успокойся и возьми себя в руки! – помогая мне встать и трепетно вытирая мои слезы, нежно прошептал он. – Ты должна быть сильной, Муся.

– Пожалуйста, пойдем, Глеб... – шмыгая носом, вновь взмолилась я. Пусть меня не пустят внутрь, но я должна была быть рядом! Пусть даже за стенкой.

Глеб, молча взяв под руку, потянул меня в коридор, но не успели мы выйти, как к нам подошла медсестра с бумагами о согласии на хирургическое вмешательство.

– О чем вы говорите? – словно сквозь вату услышала я вопрос Глеба.

– У вашей дочери инородное тело, которое...

Дальше я уже не понимала. Услышанное словно проходило сквозь меня, не доходя до шокированного мозга.

– Маруся, подпиши, – сунул мне настойчиво в руку ручку Глеб.

– Что? Я... – Я настолько растерялась, что начала оглядываться, не зная, что мне делать. Сама мысль о том, что мою дочь будут оперировать... Такую маленькую... Как это вообще возможно?!

– Маруся, успокойся. Подписывай! Ты ведь мне веришь? Веришь, что я не позволю случиться чему-то плохому с нашей дочерью?

Глеб

– Как такое вообще возможно?! – в полнейшем шоке спросил я врача. – Вы хотите сказать, что всё это из-за комка шерсти?!

– Я понимаю ваши чувства, но с детьми всякое бывает, а врачи не боги. Нельзя всё предусмотреть. Нам повезло, что мы вовремя поняли, в чем проблема. Мой вам совет – избавляйтесь от кота, – улыбнулся он Мусе, стоявшей рядом. Она была сама не своя, всё еще мелко подрагивая от пережитого

потрясения. Врачам даже пришлось вколоть ей успокаивающее.

– У нас нет кота, – прикрывая глаза, прохрипела она. К дочке нас пока не пускали, и волнение по этому поводу не давало Мусе расслабиться.

– Значит, это случилось в гостях, за детьми в этом возрасте не уследишь. Так и норовят сунуть всякую гадость в рот. В большинстве случаев подобное само выходит...

Врач еще долго расписывал нам подробности, объясняя, что потребуется наблюдение и обследование желудочно-кишечного тракта Василисы.

– Это просто мера предосторожности, – видя вновь закипающую панику Маруси, накрыл он ее руку ладонью. С трудом сдержав порыв отбросить его лапу, я сосредоточился на разговоре, повторяя себе, что нельзя бить лечащего врача дочери.

– Вот так, моя маленькая, – ворковала Маруся, переодевая дочь. К счастью, врачи обошлись без хирургического вмешательства, сумев достать комков шерсти, вид которого даже меня привел в ужас. Не представляю, как малышка смогла его проглотить.

Маруся винила себя, кляня за то, что недоглядела, и, как бы я ни пытался убедить ее в обратном, я видел, что она всё равно оставалась при своем мнении. За прошедшие пару дней она ни на секунду не отходила от дочери, не желая

слушать ничьи убеждения.

– Маруся, – позвал я ее. Врач выписал нас, заверив меня, что для переживаний нет никаких причин и моя дочь в полном порядке.

Дочь.

Что я чувствовал при этом слове? Не знаю. Не могу сказать, что известие о моем отцовстве пробудило что-то во мне. Меня больше волновала Муся и то, как она поступила со мной, сбежав и скрыв от меня известие о своей беременности. Конечно, я осознавал свою ответственность, и мне было искренне жаль девочку.

Жалость...

Это именно то чувство, из-за которого я когда-то и приютил Марусю. Жалость сыграла со мной злую шутку, оставив ни с чем. Та, которой я дал всё, в итоге и предала меня.

Так что я не знаю, к чему приведет моя жалость к этой маленькой девочке, так сильно напоминающей ее мать. Возможно, это или что-то другое было причиной тех странных чувств, колыхающихся в моей груди при виде этой крошечной малышки. Она была чудо как хороша, и остаться равнодушным было невозможно. Но чувствовал ли я себя отцом? Ответить на это мне было сложно даже самому себе. Слишком глубока была рана, нанесенная Мусей, и моя злость на нее. Она затмевала всё вокруг, блокируя другие чувства.

– Мы уезжаем, – пытаюсь не думать о предательстве женщины, которую считал своей, поставил я ее перед фактом. –

Водитель уже тут, так что давай собирайся, и поедем.

Последние пару дней она без пререканий выполняла все мои указания, и, возможно, именно поэтому я не ожидал от нее отпора, уже решив, что она молча поедет туда, куда я ей скажу. Видимо, я ошибся.

– Если всё хорошо, я хочу уехать домой, – выпрямляясь с дочерью на руках, воинственно заявила она. – Ты очень много для нас сделал, и я всегда буду благодарна тебе за это...

– К черту твою благодарность, Маруся! Сейчас же соберись и иди на выход! – устав быть терпеливым, потребовал я. – Ты молча сядешь в машину и поедешь туда, куда я тебе скажу. Достаточно твоих выходов!

– Кто ты такой, чтобы мне указывать?! – пытаюсь держать себя в руках из-за дочери, которую укачивала, сверкнула она своими колдовскими глазами. – Да, я благодарна тебе, но это не значит, что позволю тебе помыкать мной!

– Единственной, кто кем помыкал в наших отношениях, была ты! Но думаю, пора исправить положение вещей, малышка, – недобро усмехнулся я. – И так как ты уже достаточно пришла в себя, чтобы спорить, позволю напомнить тебе, кто я. Стоит мне только захотеть, и тебя лишат всяких прав на моего ребенка. Так что не выводи меня из себя и слушай, что тебе говорят.

– Ты посмеешь...

– Посмею, Муся. Посмею, – кивнул я, прекрасно зная, что она скажет дальше. Раньше ее вид растрогал бы меня, и я

взял бы свою угрозу обратно, но не сейчас. Марусе следовало думать о последствиях, когда она разбивала мне сердце.

Маруся

Ну что за невыносимый мужчина?! Я, конечно, была благодарна за помощь, но это вовсе не значит, что Глеб имеет право распоряжаться мной! Кто дал ему это право?! Еще и строит из себя пострадавшего! Если бы не страх лишиться дочери, я бы послала его далеко и надолго, не думая о последствиях.

Но вместо этого мне пришлось молча проследовать за ним в машину и устроиться на заднем сиденье с малышкой.

Удивительно, но всего за пару дней к моей девочке вернулся задор и даже вес начал вновь набираться. Такими темпами нам не понадобится много времени, чтобы отъесть свои щечки заново.

– Куда мы едем? – спросила я, не сдержавшись, стоило Глебу устроиться за рулем и завести машину.

– Ко мне домой. Я переехал из Питера. Бабушка уже не так здорова, чтобы справляться одной, и мне пришлось поселиться с ней, – холодно ответил он.

– И как она отнесется к тому, что ты привезешь нас? – не сдержалась я от подколки. Я ведь прекрасно знала о снобизме его бабки. Именно поэтому он и не знакомил меня с ней. Елена Эдуардовна была той еще высокомерной особой, считающей себя выше остальных и не принимающей тех, кто ниже нее в социальной цепочке общества.

– Я не обязан спрашивать разрешения. Это мой дом, и я могу приводить в него кого пожелаю, – отрезал Глеб.

Больше заводить разговор я не стала, весь путь молча любуясь своей девочкой и лаская ее.

– Проходи, – подтолкнул меня в спину Глеб, когда дворецкий, да-да, настоящий дворецкий, открыл нам дверь! Сначала шок от увиденного дома, а теперь это! Я, конечно, знала, что Глеб богат, даже знала, что он унаследовал графский титул, но я даже не представляла, что всё *настолько* серьезно!

Я даже в фильмах не видела таких домов. Даже их холл был больше огромной квартиры, где мы жили с Глебом!

Сейчас, вспоминая, как сильно я спорила, говоря, что не могу принять от него на день рождения курсы по кондитерскому мастерству, я понимала, как, должно быть, глупо и смешно выглядела в глазах Глеба. Для такого богача это были просто копейки.

– Проводи Марусю в комнату рядом с моей, Валентин, – холодно распорядился Глеб, заставляя меня вернуться в настоящее. – И отнеси ей обед, – после этих слов он молча развернулся и ушел, приводя меня в бешенство своим делано равнодушным видом. Зачем привозил нас в этот дворец, если собирался игнорировать?!

Разбирать вещи я не стала, но отказаться от соблазна принять ванну не смогла. После стольких дней в больнице и

быстрых приемов душа мысль о том, чтобы принять горячую пенную ванну, была слишком искушающей. Так что, закрыв дверь спальни на ключ, я быстренько разделась, радуясь, что в ванной комнате есть чистый банный халат, и, сняв с дочки платье и колготки, опустилась в наполненную ванну.

– Й-и-хи! – тут же забултыхалась Вася в воде, хватаясь за меня ручками. Ванну мы любили, но нам всегда требовалось к ней немного привыкнуть.

– Вот так, моя девочка, – улыбнулась я ей, прижимая к груди и целуя в русую макушку. Слезы счастья и облегчения в очередной раз за эти дни наполнили мои глаза, и я всхлипнула. Сдерживаемые эмоции всё же вырвались из меня, и я заревела белугой, несмотря на то, что могла напугать дочь. Я просто не могла сдержаться. Сидя и обнимая здоровую Васю, осознавая, что сама чуть не погубила своего ребенка...

Вот зачем я ходила к соседке, у которой три кошки? Зачем позволяла дочке ползать по ее квартире, пока сама сплетничала и пила чай?! И пусть робот-пылесос то и дело шастал по квартире, собирая шерсть, это не повод позволять ребенку играть с кошками!

– Яха! – звонко вскрикнула взволнованная моим плачем дочь, начиная нервничать и ворочаться в моих дрожащих от плача руках.

– Боже, – наконец приходя в себя и понимая, что пугаю ребенка, прошептала я, силясь прекратить это безобразие.

Но то, что Глеб привез меня в свой дом, к бабушке, по-

знакомиться с которой я не была достойна ранее, переполнило чашу моих и так шатких эмоций. Сколько еще боли мне суждено пережить в своей жизни? Когда судьба решит, что достаточно потрясений?

– Муся?! – заставил меня поднять взгляд встревоженный голос Глеба. Мужчина стоял в проеме двери и смотрел на меня. Смотрел так, что мне захотелось сделаться невидимой...

Выйдя из оцепенения, я вскрикнула и попыталась прикрыться пеной, что было сложновато, учитывая то, что на руках был скользкий и извивающийся ребенок.

– Что ты тут делаешь?! – возмутилась я, напрочь забыв о пережитой истерике. – И как ты вошел?!

– Через смежную дверь, соединяющую наши комнаты, – нисколько не смущенный моим воплем, пожал он плечами. – А сейчас, если ты закончила себя жалеть, дай мне ребенка и выходи. Нам нужно поговорить.

– О-о, час назад ты не горел желанием вести разговоры! – всё еще задетая тем, как он отослал нас вместе с дворецким, съязвила я. – Подожди-ка! Что значит, дверь, ведущая в твою комнату?! Я сейчас же хочу поменять комнату!

– Я тоже много чего хочу, Маруся. Больше всего – перекинуть тебя через колено и хорошенько отшлепать, да так, чтобы все глупые мысли навсегда покинули твою хорошенькую головку. Но, как видишь, сдерживаю себя. Так что, будь добра, последуй моему примеру. Давай сюда девочку, – шагнув в сторону ванны, наклонился он ко мне, протягивая ру-

ки.

Понимая, что спорить бесполезно, я передала ему довольную после купания Васю и ополоснула ее от пены.

– Ждем тебя, – кивнул он, окидывая меня до боли знакомым жарким взглядом и выходя из ванной с укутанной в полотенце дочерью.

Вскочив, стоило ему прикрыть дверь, я мигом защелкнула щеколду и с остервенением принялась мыться, вспенивая шампунь на волосах и промывая их водой. Покончив с этой нелегкой задачей, я вытерлась и, укутавшись в махровый халат, вошла в спальню.

– Какая ты умненькая, – на удивление, застала я картину того, как Глеб ворковал с Васей. Они лежали на кровати, и Глеб, опершись на одну руку, внимательно разглядывал всё еще укутанную в полотенце дочь. – И такая маленькая.

Не зная, что делать и как реагировать на всё происходящее, я направилась к сумке с вещами и выудила оттуда ярко-малиновые ползунки, также достав чистый подгузник. Я не хотела вновь лезть на рожон и ругаться, хотя то, что Глеб вошел без разрешения, было неприемлемым.

– Зачем ты привез нас сюда? – подходя к кровати со стороны дочери и притягивая ее к краю, спросила я. Пытаясь отвлечься, распутала полотенце и, надев подгузник, начала одевать Васю.

– Почему ты плакала? – проигнорировав мой вопрос, задал он свой.

– Я не плакала! – огрызнулась я, кладя дочь обратно. Она не была голодна, и было видно, что скоро заснет. Васе много не надо: полежит чуть-чуть и сама засыпает.

– Конечно нет, это, должно быть, был писк мышей, что раздавался на весь дом, – вскакивая с кровати и подходя ко мне, отчего я невольно отступила, прорычал он. – Что случилось по пути сюда? Ты видела бабушку?! – выглядя взволнованным, начал он засыпать меня вопросами.

– Никого я не видела! И я не плакала! – не сдавалась я, продолжая отступать. – Мне нужно одеться, пожалуйста, уйди.

– Почему. Ты. Плакала? – оттесняя меня к стенке, жестко повторил он, выделяя каждое слово и блокируя мне путь к бегству, упершись ладонями в стену по обе стороны от моей головы.

– Потому что я ужасная мать! Доволен?! – пытаюсь не кричать из-за дочери, прошипела я сквозь зубы, ударяя его сжатыми кулачками в грудь. – Я подвергла своего ребенка опасности и чуть не потеряла его! Это ты хочешь услышать?!

– Муся...

– Что Муся?! Я знаю этот тон, Глеб! Я знаю, что сделала! Она... Она могла умереть из-за чертовой кошки! Понимаешь ты это?! – вновь начиная плакать, скатилась я обессиленно по стене, сворачиваясь у его ног в комок, и, обнимая свои колени руками, уткнулась в них лицом. Сил просто не осталось, всё происходящее было слишком для моей нерв-

ной системы.

– Муся... – простонал он, словно борясь с чем-то неведомым и подхватывая меня на руки.

Не знаю, как мы оказались в его комнате, как позволила ему усадить себя на руки, снять чурбан из полотенца с моей головы и зарыться в свои мокрые спутанные волосы.

– Ты ни в чем не виновата, Муся... – шептал он, обнимая меня и позволяя выплакаться. – Разве ты знала, что подобное случится?

– Нет, но я должна была... – попыталась я возразить.

– Ты оставляла ее без присмотра рядом с кошкой? – продолжал он, не слушая мои возражения.

– Нет, кошки всегда были на балконе, когда мы приходили к Лиде, – шмыгнула я носом. – Но я могла бы быть внимательнее...

– Нельзя уследить за всем, – нежно убрал он волосы с моего лица и, достав из кармана платок, вытер мои слезы. Я всегда удивлялась тому, что в наше время у этого мужчины всегда имелся с собой платок. Сколько раз в прошлом он вот так же вытирал им мои слезы? Сколько раз разгонял моих глупых тараканов?

Почему мой принц из сказки превратился в антигероя для меня? Что в наших отношениях пошло не так?

– Почему, Глеб? – спросила я о том, что просто разрывало мне душу. – Как мы дошли до этого? Мы ведь были так счастливы...

– Потому что ты ушла! – зло бросил он, хватая меня за плечи и расплющивая о свою грудь. – Как ты могла, Маруся?! Ты испортила всё...

– Я или ты, Глеб? – не повышая тона, спросила я, кричать сил уже не осталось. – Я просто хотела счастья! Хотела, чтобы ты был моим на законных основаниях.

– Я и так был твоим!

– Не был. Думаешь, приятно осознавать, что недостаточно хороша для чего-то большего? – продолжала я горько. – Знать, что ты никто. Бояться сказать о случайной беременности, не зная, как ты отреагируешь.

– Любая другая воспользовалась бы случаем и попыталась бы женить меня на себе, – как-то странно усмехнулся он, запуская руку в мои волосы и запрокидывая мне голову назад.

– И что? Ты бы женился на мне? Поддался бы давлению? – с горечью спросила я, почти уверенная, что услышу положительный ответ. Ведь, будь это не так, он бы не бесился так сильно из-за моего побега. Только вот вынужденный брак был последним, что я от него хотела.

– Нет. Не женился бы, Муся, – удивляя меня, холодно ответил он. – Я не мог и не могу на тебе жениться. Потому что я уже женат.

Глава 4

– Что? – выдохнула я, не желая принимать услышанное. Это же просто бред! Что значит, женат?! Чушь! Будь он женат, я бы точно об этом узнала!

Невозможно скрывать такое на протяжении стольких лет! Он всегда был со мной, не считая своих рабочих командировок...

– Я женат. Это та причина, по которой я...

– О господи! – оттолкнув его, вскочила я резко, отчего, не удержавшись, кулем свалилась на пол.

– Муся! – тут же попытался он помочь мне.

– Не трогай меня! – взвилась я, не веря в реальность этого кошмара. – Не смей! Боже! Как ты мог?! Я так верила тебе! Доверяла...

– Муся, послушай...

– Не желаю слышать ни единого слова из твоего лживого рта! Мне противно от тебя! – начала кричать я, забыв обо всем на свете. Мысль о том, что всё это время, что мы были вместе, он обманывал меня... Жил со своей женой... О боже, он был с ней, когда я думала, что он в командировках или с больной бабушкой!

Как можно было не заметить этого?!

– Всё не так, как кажется! Успокойся и выслушай меня, черт побери!

– Ни единого слова слышать не желаю! Негодяй! Какой же ты негодяй! – срываясь на крик, била я его в грудь, отталкивая от себя. – Права я была, что ушла, бросив тебя! Ты не заслуживаешь ничего хорошего! Лучше бы я умерла тогда под колесами твоей машины!

– Маруся! Да дай же мне сказать! – хватая меня за руки и блокируя серию ударов, прорывал он.

– Что ты мне скажешь?! Что у вас ничего не было? Что всё не так, как кажется? Может, что у вас фиктивный брак и что ты ездил не к ней, когда врал мне о своих нескончаемых командировках?! Какой же ты... – вновь разрыдалась я, не понимая, когда уже закончатся эти проклятые слезы! – Я тебя ненавижу, ненавижу! Слышишь меня?! Будь проклят тот день, когда встретила...

Раздавшийся плач дочери прервал мою речь, и, поняв, что, возможно, меня слышал весь дом, я резко замолчала. Уйти – вот что билось в моей голове. Надо просто развернуться, схватить дочь и уйти отсюда.

– Мы сейчас же уходим! И только посмей ко мне подойти! – бросила я, отбрасывая его руки и идя на зов дочери.

Глеб

Вот и всё. Сказал.

Столько времени скрывать и опасаться, что она узнает, и выложить ей всё в один момент. За это время, что провел вдали от Муси, я столько раз корил себя за то, что не нашел в себе смелости признаться ей. Винил за то чертово утро, ко-

гда из-за паники отреагировал так, что в итоге она решила, что я насмеялся над возможностью взять ее в жены. Но что я мог еще сказать? «Извини, дорогая, я не могу на тебе жениться, так как уже женат?»

Именно поэтому я и избегал ее месяцами, борясь со своими чувствами, пытался побороть их и держать в узде. Но у меня не вышло. Муся, словно лучик солнца, появилась в моей жизни, окрасив ее новыми красками.

Все женщины, что были до нее, перестали иметь для меня значение. Даже моя глупая месть бабушке, из-за которой я почти каждую неделю появлялся в СМИ с новой девушкой, перестала приносить удовлетворение.

Муся просто взяла и заполнила мою серую жизнь, вытеснив из нее всё остальное. Нежеланное отцовство, брак, который, словно петля, затянулся на моей шее, обязательства, которые я ненавидел всей душой. Если бы я мог, я бы бросил всё и уехал туда, где никто не знал бы, кто такой Глеб Шувалов. Но я не мог. Даже ради Муси.

Как же я ненавидел себя за это. Ненавидел за то, что до сих пор расплачиваюсь за юношескую глупость. Если бы мне хватило смелости противостоять бабушке и отказаться от женитьбы...

В этом случае Марусе бы не пришлось переживать ту боль, что я причинил ей сегодня. Возможно, она права: не встретиться мы с ней тогда, всё в ее жизни сложилось бы по-другому...

Флешбек

Четыре года назад

– Вот дурочка! – раздался зычный голос где-то надо мной. – Жить надоело?! Если хочешь умереть, делала бы это не под колесами моей машины!

Я лишь жалобно застонала в ответ на эту тираду, продолжая лежать в холодном снегу и баюкать свою руку. От удара меня отбросило с проезжей части, на которую я по своей глупости вступила, не обращая внимания на проезжающую машину.

Первоначальный шок прошел, и теперь я в полной мере ощутила всю боль, что прошибла мое и так измученное голодом и переохлаждением тело. Больше всего болела левая рука, на которую пришелся удар.

– Черт! Черт! Черт! – ругался мужчина, неожиданно подхватывая меня на руки и относя к машине.

Я хотела было возразить, но внезапно осознала, что вместо слов с языка слетают лишь жалобные стоны и рыдания. Только оказавшись устроена на переднем сиденье его роскошной машины, поняла, что расплакалась!

– Потерпи, сейчас доедем до больницы! – совсем другим тоном начал подбадривать меня водитель машины, явившийся причиной моего состояния.

Правда, внять его словам у меня совсем не получалось.

Всё навалилось так внезапно, что я скатилась в истерику.

Жизнь и так меня не щадила, так еще и это! Рука была сломана, в чем я не сомневалась, ведь это происходило уже не в первый раз. За мои недолгие восемнадцать лет жизни это был уже третий перелом. При мысли о том, что мне придется побираться со сломанной рукой, меня затопила такая жалость к себе, что я завывала еще сильнее.

– Эй! Ты чего?! – испуганно глянул на меня мужчина, видимо не понимая, чего я ору, но, даже осознавая, что выгляжу в его глазах полнейшей дурочкой, остановиться я была не в силах.

Мне было так больно и обидно за себя. Я не понимала, почему судьба так жестока именно ко мне! Чем я так разгневала ее, что она подкидывает мне неприятность за неприятностью?!

Глеб

«Вот же бедовая», – думал я всю дорогу, что мчался до ближайшей больницы, указанной навигатором. И надо же мне было в канун Нового года застрять в этом Мухосранске! Вот тебе и приключение! А то всё ныл что жизнь стала скучной и однообразной!

Мне бы вызвать скорую и полицию, ведь в ДТП совершенно не было моей вины! Девчонка выскочила словно из ниоткуда, да еще и в неподобающем месте! Но дурочка так жалобно плакала, что я просто не мог дожидаться скорую.

Конечно же, было глупо покидать место происшествия, но

что уж теперь... Да и проблем я не боялся. За деньги нынче можно замять всё что угодно.

– Ну, всё-всё. Хватит уже, успокаивайся! – выходя из машины и открывая дверь с ее стороны, попытался я ее успокоить. – Сейчас врач тебя осмотрит и окажет помощь.

Только выйдя на свет, я заметил, в каком плачевном состоянии находилась моя ноша. Серый объемный бомбер был грязным и потрепанным, а черная шапка вся в катышках. Видимо, жизнь и так обидела девчонку, еще и я сбил.

Неожиданно стало стыдно за те слова, что я наговорил в порыве гнева. Не стоило срываться на и так пострадавшей мелочи.

– Мужчина! Ну куда без бахил! – вырвал меня из мыслей ворчливый голос медсестры.

Так и тянуло смачно выругаться, но я сдерживался из последних сил. Я сегодня и так исчерпал свой лимит ругательств.

– Вот положу пострадавшую девушку и обязательно вернусь за вашими бахилами, – все-таки не смог сдержаться от того, чтобы не съязвить.

Быстро прошел в регистратуру и потребовал врача для продолжающей плакать девчонки. Правда, пришлось знатно поругаться с теткой, которая не хотела пускать нас, затребовав полис с документами.

– Ну вот и всё. Сейчас добрый доктор сделает тебе укол, и ты забудешь о боли, – аккуратно опуская свою ношу на

кушетку в смотровом кабинете, проговорил я.

Объяснив врачу ситуацию, я хотел уже удалиться из кабинета, когда девочка жалобно вскрикнула.

– Рука... сломана... – проревела она вновь.

Видимо, врач не совсем удачно попытался помочь ей избавиться от верхней одежды.

– Придется резать, барышня, – вздохнул пожилой доктор, беря ножницы и примериваясь ими к рукаву ее бомбера.

Малахольная тут же встала в позу, протестуя и шепча что-то о том, что это ее единственная теплая одежда, без которой она замерзнет.

– Успокойся и дай ему сделать то, что он должен, – хватая ее за плечи и затаскивая обратно на кушетку, встал я рядом. – А куртку я тебе куплю. Не думай об этом.

Не став возражать, она лишь всхлипнула, наблюдая за тем, как, разрезав куртку до самого плеча, врач аккуратно стянул ее.

– Открытый перелом, – констатировал он, подняв рукав свитера и оглядев опухшую руку. – Сделаем рентген и наложим гипс.

Поняв, что уехать, оставив девчонку, не выйдет, я вздохнул и попросил врача сделать всё в лучшем виде.

– Не повезло вам с ней, – сочувственно кивнул мне врач, выписывающий рецепт на обезболивающее. – Вместо того чтобы проводить предновогодние часы с семьей, приходится разбираться с этой мелочью. Эх, нынешняя молодежь со-

всем не думает о последствиях своих действий.

Я лишь кивнул ему в согласии, думая о своем. Семьи у меня не было, как и человека, с которым бы мне хотелось провести Новый год. Так что праздник мне девчонка не испортила. Скорее уж, наоборот. Ведь сама наверняка спешила куда-то успеть до двенадцати, вот и угодила под колеса моего автомобиля.

– Как тебя зовут? – не догадавшись посмотреть в рецепт, спросил я, усаживая ее обратно в машину.

Девчонке наложили на руку гипс, но из-за поврежденной лодыжки мне снова пришлось таскать ее на руках. Истерика прошла, но на смену ей пришла апатия, и она ни на что не реагировала. А возможно, это действие лекарств, что ей дали от боли. Кто его знает?

– Маруся, – ответила она, блеснув влажными зелеными глазищами.

Ох, что это были за глаза! Таких огромных глазищ, словно сошедших со страниц аниме, я еще не видел. Да и сама девчонка была очень даже ничего. Молоденькая, правда, что отбрасывало ее шансы заинтересовать меня.

– Куда тебя отвезти, Маруся? – спросил я, поправляя на ее плече свое пальто, что я накинул на нее.

– Туда, откуда взяли! – вдруг прорезался голосок.

Вздохнув на это, я захлопнул ее дверь и, кинув рюкзак своей попутчицы на заднее сиденье, занял место водителя. Заведя машину, я вновь окинул девушку взглядом, отметив

ее несвежий вид.

– Ты эскортница, что ли? – вырвалось у меня невольно.

– А что? Хотите снять, дяденька? – ехидно так протянула она.

Правда, в глазах был испуг, несмотря на показную бравладу. Становилось ясно, что нет, не проститутка. Тогда что может делать на улице симпатичная восемнадцатилетняя девчонка? Не бездомная же она...

– Молоко на губах еще не обсохло, – протянул я, трогаясь с места.

Дальше разговор не вязался, мою бедовую склонило в сон от лекарств, и она заснула. Я же, вдруг вспомнив, что обещал купить ей куртку, свернул в виднеющийся по пути торговый центр. С опаской запер девчонку в машине и, как был в одном свитере, быстро забежал во вращающиеся двери здания, надеясь согреться. Тут даже в праздничный день было не протолкнуться. Эх, не сидится людям дома.

Быстро нашел магазин женской одежды, где попросил консультанта подобрать зимний пуховик потеплее. Расплатился и так же быстро покинул здание торгового центра, спеша добраться до машины.

Девчонка всё еще спала, так что я кинул куртку на заднее сиденье к ее рюкзаку и завел машину, намереваясь отвезти ее туда, откуда забрал. Пускай сама разбирается. Всё, что мог, я сделал.

– Эй, спящая красавица, просыпайся, – тронул ее за здоровую руку, но девчонка и ухом не повела, продолжая дрыхнуть. – Вот тебе и новогоднее чудо! – проворчал я, откидываясь на подголовник сиденья.

Распахнул глаза, вдруг вспомнив про рюкзак, валявшийся на заднем сиденье машины. Именно туда девчонка сунула свой паспорт. Там наверняка есть адрес ее прописки.

Нащупал заветную корочку и подсветив телефоном, увидел название улицы и дома. Вбив в навигатор, понял, что далеко вата Маруся забралась от дома, ведь, судя по всему, живет она в каком-то богом забытом поселке.

Из дома, что ли, сбежала?

Пилить пару часов до этого поселка не было никакого желания, так что я всё же растолкал ее под недовольный бубнеж.

– Я не могу возиться с тобой всю ночь, – включая верхний свет в машине, строго отчеканил я. – Мы приехали, только что-то мне подсказывает, что твой дом далеко отсюда, судя по твоей прописке.

– Вы что, рылись в моих вещах?! – потеряв всю свою сонливость, возмутилась она.

– Не рылся, а всего лишь глянул в паспорт. Хотел отвезти домой, но, увидев, где ты живешь, судя по документам...

– Мы там давно не живем! Мы комнату снимаем в соседнем доме, – кивнула она в сторону многоэтажки. – А прописка старая!

Хоть мне не особо верилось в ее слова, я лишь кивнул ей, засунул паспорт обратно в рюкзак и передал ей новую куртку.

– Держи, как и обещал, взамен утерянной.

Девчонка удивленно взглянула на меня, словно не верила, что я сдержал слово, и начала возиться на месте, пытаясь стянуть мое пальто.

– Подожди, я помогу, – остановил я ее бессмысленное дерганье.

Вышел из машины и, обойдя ее, помог ей выйти, стянул свое пальто и помог аккуратно надеть новый пуховик, оставив загипсованную руку внутри. Специально покупал для этой цели объемную вещь, зная, что иначе она не сможет ее носить.

– Держи свой рюкзак и таблетки. Тут всё по рецепту, принимай витамины и обезболивающее. И извини, если что не так, – смотря на застывшую в удивлении девушку, прошептал я, надевая пальто. На улице было жутко холодно, да еще и снег шел не переставая.

– Спасибо вам, – лишь кивнула она. – Могли бы и бросить меня тут, вы же не виноваты в аварии. – признала она. – Счастливого вам Нового года!

– И тебе, – кивнул я.

Развернувшись, Маруся, хромая и еле ползя, направилась к той самой дороге, на которой я ее сбил, а я, развернувшись, уселся в машину с твердым намерением вернуться в отель и

лечь спать. Достаточно с меня на сегодня приключений.

Маруся

Несчастно брела в сторону двора дома, куда и собиралась до того, как попала под машину этого богача. От мысли об очередной ночи, которую мне предстояло провести на лавочке в этот мороз, глаза вновь наполнились влагой. Мало мне было проблем, так еще и нога со сломанной рукой ныли, напоминая о случившемся и приводя в отчаяние. Я не представляла, как буду выживать. Когда четыре дня назад уходила из дома, совершенно не думала о том, каково это – жить на улице. В тот момент я думала лишь о том, как спастись от окончательно спившихся родителей и их друзей-алкашей, превративших наш дом в притон. Мои родители никогда не были примерными, но то, во что они превратились за последний год, пугало. Маленькой девочкой я часто пряталась от них, но с возрастом делать это стало сложнее.

Я нисколько не жалела о своем уходе из дома, жаль только, что пришлось сделать это зимой. Летом было бы намного проще справиться с суровой реальностью улиц. Днем я еще могла провести время в торговом центре, греясь в помещении, но ночь... Ночь обрушивалась на меня холодом и страхом. Я практически не спала, боясь, что местные хулиганы пристанут ко мне. По этой же причине я не оставалась на одном месте, всё время меняя дворы. Не дай бог, еще заметят, что я ночую на улице.

Живот заурчал от голода, и я, вспомнив про оставшийся

кусочек хлеба, потянулась к рюкзаку, с трудом открывая его одной рукой. Безумно хотелось пить, но вода закончилась еще днем, и бутылка, которую я наполняла в туалете торгового центра, была пуста.

Жалость к самой себе вновь накатила на меня, отчего я всё же разревелась, не сдержавшись. Так и сидела, сжавшись в комок, жуя свой черствый хлеб и оплакивая свою несчастную долю.

– Эй! Царевна Несмеяна, опять плачем? – раздался неожиданно голос моего сегодняшнего знакомого. – Смотри, до дома ты так и не дошла?

– Решила посидеть во дворе, – нескладно врала я, продолжая держать в руках корку хлеба и пытаюсь стереть слезы. – Проветриться!

– Уж вижу, – как-то странно посмотрел на меня мужчина. Вообще, он был странным. Провозился со мной весь вечер, даже куртку обещанную купил. Грела она, кстати, лучше моей.

– Значит, я не ошибся, – как-то обреченно вздохнул он. – Ты что, из дома сбежала?

– Не ваше дело! Зачем вернулись? – пытаюсь звучать воинственно, но вместо этого жалко шмыгая носом, спросила я.

– Ты паспорт обронила, – помахал он перед моим лицом документом.

– Я обронила? – встала я в позу, пытаюсь таким образом

скрыть свою уязвимость. – Последний раз он был у вас. И именно вы клали его в рюкзак.

– Значит, я обронил, какая разница? Лучше скажи мне, что ты делаешь на улице в такую холодрыгу? Ты бездомная? – нахмурился он.

– Не ваше дело, спасибо, что вернули паспорт, на этом распрощаемся! – зажав зубами хлеб, я перехватила свой паспорт и надежно спрятала его в рюкзаке.

– В такую погоду даже кошку на улице не оставишь, а ты человек. К тому же ты пострадала из-за меня, – не думая уходить, проговорил он, оглядывая меня с ног до головы. – Убираться умеешь? – вдруг спросил он.

– А что? – насторожилась я.

– Пойдешь ко мне экономкой? Правда, я живу в Питере, тут по делам. Если готова переехать...

– А может, вы извращенец какой? Или я воровка? – перебила я его, пораженная таким щедрым предложением.

Кто в наше время так делает?

– А этого ни ты, ни я не узнаем, пока не попробуем. Ну так что? Согласна поехать со мной? – спросил он, вздохнув так, словно надеялся на отказ.

Оглядев хорошо одетого мужчину, я отметила, насколько он привлекателен, и подумала, что такому вряд ли нужно заманивать к себе молоденьких дурочек. К таким красавчикам девушки сами липнут.

– Согласна, – подумав, что это в любом случае не будет

хуже, чем голодная смерть и обморожение, которые мне грозят, останься я на улице, решила я.

Где наша не пропадала!

И снова была поездка на его шикарной машине, в этот раз до самого дорогого отеля в городе. Мне даже было страшно представить, сколько стоит здесь обычный номер, не говоря уже о президентском люксе, в который мы поднимались на лифте.

Глеб, как представился мой незнакомец, сразу же заказал ужин в номер, назвав такое количество позиций, что у меня чуть глаза не вылетели из глазниц. Не думает же он, что мы вдвоем всё это сможем съесть? Хотя я была так голодна, что вполне смогла бы проглотить слона.

– Можешь принять душ, пока готовят нашу еду. Не хочу обижать твои девичьи чувства, но пахнешь ты не цветами, Муся, – применяя ко мне дурацкое прозвище, придуманное по дороге, кивнул он в сторону ванной комнаты.

Сняв куртку, я повесила ее в шкаф, последовав примеру Глеба, и пошла за ним вглубь просторного номера. Всё было украшено к Новому году, и даже имелась небольшая елочка, стоящая на комод.

– Держи, – взяв что-то из шкафа, протянул мне Глеб. – Тут спортивные штаны и футболка. Свои вещи можешь положить в корзину, я попрошу горничную постирать и вернуть к утру.

– Спасибо, – благодарно кивнула я, хватая вещи и направ-

ляясь в указанном направлении.

Ванная была под стать отелю. Огромная красавица с золотыми ручками так и звала меня к себе. На подставке рядом стояли всевозможные пенки и бомбочки с солью. Так что, не удержавшись, я наполнила ванну, щедро вбухав туда всего, да побольше. Только тот, кто не мылся уже вторую неделю, поймет мои чувства.

В доме я боялась это делать, так как замок в нашей бане был сломан, и любой желающий мог войти, а попав на улицу, всё, что я могла себе позволить, так это умыться и почистить зубы в туалете торгового центра. А о том, чтобы помыть голову, не было и речи.

В какой-то момент отчаяния я даже хотела обстричь свою гордость – волосы, спускающиеся аж до самой поясницы. Помешало лишь отсутствие ножниц. Тот маленький складной ножик, который я носила с собой для защиты, был слишком тупым для этого.

Только раздевшись и забравшись в ванну, я поняла, что не справлюсь с волосами! Я даже толстовку стянула с трудом, с помощью одной руки, что уж говорить о мытье головы?!

Ругаясь на чем свет стоит, начала искать, чем бы обернуть гипс, чтобы не намочить. В ванной комнате, как назло, даже пакетов для мусора не было!

– Муся? Всё хорошо? – отвлек меня стук в дверь, заставив подпрыгнуть на месте. – Ты там как? Справишься?

– Мне нужен пакет! – крикнула я, в расстройстве садясь на

сиденье унитаза и с тоской поглядывая в сторону наполненной водой ванны. Пышная пена звала и манила, но залезть в ванну, не защитив гипс, я не могла.

– Пакет? – недоуменно отозвался мужчина.

– Гипс обмотать, – пояснила я, вдруг осознавая, что не справлюсь сама.

Ворча, начала натягивать на себя висевший на крючке банный халат с намерением выйти и попросить помощи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.